

ное товарищество, съ величайшимъ трудомъ протянувшее свое существованіе около девяти лѣтъ и ликвидировавшее, только благодаря крайне осторожному и честному веденію дѣла. Прежде всего оно, какъ и всѣ учрежденія такого рода, основанныя въ губерніи, нисколько не походило на товарищество, такъ какъ во все время его существованія ни одно изъ правилъ устава не было усвоено мѣстнымъ населеніемъ. Напротивъ того—все приняло свой особый, мѣстный отпечатокъ, измѣненіе коего оказалось не по силамъ учредителей, истомившихся въ напрасной борьбѣ. Деньги охотно разбирались, въ срокъ никогда не уплачивались, поручители тотчасъ же обложили заемщиковъ извѣстнымъ количествомъ вина, а сельскіе старосты и волостные писаря извѣстнымъ количествомъ денегъ, за приложеніе печати и свидѣтельство; никто изъ лицъ, приглашенныхъ на общее собраніе, не слушалъ, не понималъ, да и не хотѣлъ понимать годового отчета, и въ то же время самый исправный и надежный мужикъ Никольской волости, приглашенный въ члены правленія, тотчасъ же начиналъ пользоваться невинными доходами «на лаптишки», а затѣмъ окончательно смѣшивалъ понятіе о своихъ деньгахъ съ деньгами товарищества, и никакой мудрецъ, въ цѣломъ свѣтѣ, не убѣдилъ бы его въ незаконности и неблагоприятности такого воззрѣнія.

Кабакъ по прежнему продолжалъ замѣнять для крестьянъ клубъ, карты, театр, однимъ словомъ, всѣ удовольствія, которыми пользуются городскіе жители. Число питейныхъ заведеній оставалось то же самое, но арендная плата за нихъ нѣсколько повысилась, и никольское общество, вмѣстѣ съ обществомъ деревни Малой-Карцовки, получало уже 800 рублей, вмѣсто 600, изъ числа коихъ едва ли десятая часть шла на полезное дѣло. При всемъ этомъ пьянство въ значительной степени было слабѣе разгула прошлаго десятилѣтія, а потому сидѣльцы не только конкурировали между собою, но не разъ, тутъ же на площади, вступали въ открытый бой, въ которомъ участвовали сами сидѣльцы, ихъ жены, дѣти и пріятели. Взаимное ожесточеніе кончилось поджогомъ одного изъ трехъ сельскихъ вертеповъ и ссылкой въ Сибирь молодого, спившагося съ кругу парня, принявшаго слишкомъ живое участіе въ распрѣ кабачныхъ содержателей. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ десятилѣтіи, послѣ освобожденія крестьянъ, пьянствомъ отличались крестьяне деревни «Колодцы», успѣвшіе спустить третью часть своего огромнаго надѣла, и всѣ безъ исключенія однодворцы, изъ числа коихъ, самый работающій и зажиточный, Иванъ Журавлевъ, или Журав-